

Браво, Додин!

ГОВОРЯТ, когда додинцы давали первый из спектаклей нынешних гастролей в Москве, администрация театра, зная настороженность столицы по отношению к театру Льва Додина, подстраховалась: чтобы заполнить зал, разрешила впустить даже безбилетников. Но опасения оказались напрасными, билеты едва могли сдержать натиск обильных зрителей, не говоря уже о тех, кто любыми путями хотел прорваться на додинцев.

Аншлаг на первом спектакле, втором, третьем... Их ждали. Стены "Таганки", уже забывшие звук громоподобных оваций, потрясение настоящим искусством, услышали и увидели это вновь. Да, додинцев ждали, ждали десять лет. И вот они приехали. И удивили, как должен удивлять Театр.

Браво, Додин!

Читайте на с. 4.

Арт-хаусов моты к Арменитам и фанатам! -1993 - год!

Лев Додин: «Самый плохой театр менее вреден, чем самый хороший батальон»

Десять лет назад зоря перестройки была отмечена вручением Государственной премии СССР спектаклю Льва Додина "Братья и сестры". Прошлый, юбилейный сезон уже всемирно известного Малого драматического театра прошел фактически не замеченным властью. Да и отечественная критика не склонна уже расточать превосходные эпитеты по поводу новых постановок додинцев. В ее отзывах все чаще слышится: мол, "без меня тебе, любимый мой...". А публика по-прежнему в восторге - и в Париже, и в Риме, и в Петербурге, а теперь и в Москве.

- Опять Москва, Театр на Таганке. Волнуетесь?

- Эта сцена вызывает волнение, потому что для меня "Таганка" - один из любимейших театров и юности, и молодости, с ним очень много связано. Играть на этой сцене - к чему-то опять прикоснуться.

Но мне бы не хотелось относиться к этим гастролям как к экзамену или проверке на прочность. Мы делаем то, что нам кажется важным, и получаем от этого удовольствие, независимо от того, как это воспринимается со стороны. Контакт может быть более острым - мы счастливы, менее острым - мы огорчены, может что-то не случиться - мы сильно переживаем, но все равно делаем то, что нам кажется нужным, пока есть силы, пока что-то кажется важным.

- Это "важное" с годами меняется?

- Мне-то кажется, что мы потрясающе не меняемся, иногда до обидного. Надо как-то взять и измениться, другие слова говорить, прямо противоположное утверждать - не получается. Я до сих пор помню своих учителей, могу повторить слова, которые они говорили. Наверное, мы добавили какие-то буквы к этим словам, но смысл сохранился. И потому, как мои новые ученики понимают учеников предыдущих поколений, у меня ощущение - связь непрерывна.

- Это особенно видно по "Вишневому саду": спектакль удивительно полифоничен.

- Я рад, если хоть чуть-чуть так. Я тоже люблю этот спектакль, как и всякий, он в какой-то мере автобиографичен. Не только для меня - для всей нашей компании, для какого-то отрезка нашей жизни. Ведь есть опасность, которая все время вокруг театра и внутри, потому что все живое готово умереть в любой момент. Открывая новый сезон, такое счастье испытываешь - опять открываем, опять собрались все той же компанией. Мы столько уже пережили вместе, все это входит в спектакль.

- С которым вы опять едете по миру и набираете новый опыт. Или награды. Что вы недавно привезли из Белграда за "Клаустрофобию"?

- Гран-при фестиваля "Битеф" имени Миры Трайлович, организатора фестиваля, при жюри театральных критиков при газете "Политика", и по результатам зрительского опроса спектакль "Клаустрофобия" признан лучшим.

Вообще реакция зрителей была поразительная, они понимали, о чем мы говорим. Это было видно по их глазам. А еще в глазах был ужас, в который их вовлекли правители и в котором они не хотят участвовать, но все же участвуют, как и мы участвуем во всем, что происходит с нашей страной.

Мы вернулись в Россию, я читаю в газетах о Югославии - все неправда. Я не говорю о выступлениях политиков, там все ложь от начала и до конца, но и журналисты пишут неправду. Впечатление, что мы вернулись в годы коммунистической пропаганды. И это поездка - опять опыт громадный. Опыт любви и сострадания.

И Москва - тоже опыт. В конце концов она нам что-то прибавит, какие-то раны нанесет

сердцу, какие-то радости принесет, какие-то улыбки получим, какие-то плевки. Все это жизнь.

- Вы много времени проводите за границей - все-таки, как к вам относятся?

- К нам относятся с интересом и уважением. Не только к нашему театру, вообще к российскому гражданину, несмотря на усилия, которые мы прилагаем, чтобы это уважение разрушить. Наше национальное унижение, как ни странно, сравнимо лишь с нашей национальной гордостью. нас считают равными, но мы предпочитаем быть особенными: или лучшими, или униженными.

- Как вы оцениваете западный театр?

- Он болен теми же болезнями, что и наш, многое случайно, многое забыто. Но рядом есть потрясающие вещи. Брук, например. Всегда удивляешься его свободе, мудрости, широте, несуетности. На каждом его спектакле испытываешь наслаждение, толчок что-то еще сделать.

Мощно работает Штайн, это ступок энергии. Но всегда есть что-то более близкое и менее близкое, главное, чтобы было живое. Этого немного, зато есть много плохого, все как в России. Но даже это плохое не вызывает у меня злобы, потому что самый плохой театр менее вреден, чем самый хороший батальон.

- В Москве вы собираетесь смотреть какие-то спектакли?

- Как всякий режиссер, я смотрю мало спектаклей, московских вообще не видел и гастролям радуюсь как одной из возможностей увидеть спектакли Петра Фоменко, Валерия Фокина, Марка Захарова, Камы Гинкаса. С Гинкасом мы очень дружны, я люблю его работы. Любопытны спектакли молодых режиссеров, Женювача в частности. Интересно, что происходит во МХАТе. У меня большая программа. Но, к сожалению, жизнь так устроена, что надо выбирать между чужим спектаклем и своей репетицией. И, к счастью или несчастью, почти всегда выбираешь свою репетицию. Состоявшаяся репетиция может ничего не прибавить, но несостоявшаяся всегда убавляет.

Жизнь разбрасывает, но я старательно читаю многое из того, что пишется, и пытаюсь себе представить спектакль, это интереснее, чем смотреть: воображаешь по написанному иногда острее, если толково пишут, а когда хвалят или ругают, тогда понимать труднее.

- Скажите, как в вас уживается воспитание профессорского сына с профессией режиссера? Нелегко принимать волевые решения?

- Профессор тоже принимает решения. Я помню, мне в детстве делал операцию на гландах очень знаменитый профессор Ашкенази. Я жутко боялся, вдруг волосатые руки - раз - раскрыли мне рот и ринулись с такой уверенностью и требовательностью, что я замолк и доверился, а через секунду он вытащил уже что-то дымящееся.

Так и в театре: если ты не ринешься решительно, то ничего не будет, при том что сомневаешься очень сильно.

- Насколько же вы в жизни "играете" Додина?

- Ну, кто ж себя знает! Вот и делаем спектакль, чтобы узнать, какие мы. Хотя у меня мнение, что ты не меняешься совсем, тот же детский сад, только больше стало "но", правил без исключения все меньше, хотя сами правила не исчезают.

- У нас в стране два человека носят шейные платки: Андрей Вознесенский и вы. Собрали уже коллекцию?

- Так мы далеко уйдем. Я не очень люблю этот круг вопросов, кому они интересны?

- Но не одним же искусством вы живете?

- Одним искусством, с утра до ночи, одним искусством.

- А почему у вас в кабинете висит портрет Андрея Дмитриевича Сахарова?

- Станиславский - в душе, а Сахаров - сердечная привязанность. Такие люди напоминают, что человек может оставаться человеком, несмотря ни на что. Весь ужас в том, что мы все быстро забываем и быстро скидываем - это уже неактуально, это тоже. А глядя на подобных Андрею Дмитриевичу, душой отдыхаешь, начинаешь спокойнее существовать, реальнее.

Людмила ИВАНОВА

Сцена из спектакля "Клаустрофобия"